

его происхождения и связи с другими вещами и процессами, индивид оказывается неспособным относиться к такому образу критически, т.е. как к особому, отличному от себя предмету. Складывается порочная ситуация: не индивид действует с идеальным образом, а догматизированный образ действует в индивиде. Здесь не идеальный образ, а обучающийся превращается в функцию. Индивид представляет собой пассивный предмет, лишённый сознания и воли. Человек становится заложником всевозможных Интернет-манипуляций, массового демонстративного потребления и прочих асоциальных проявлений. Таково состояние нашего современного общества.

Переломить эту ситуацию, сделать человека созидающим субъектом, активно и разумно преобразующим существующий социальный, экономический, политический, культурный порядок (беспорядок?) должен преобразованный образовательный процесс, осознающий диалектику как единственно целесообразный способ мышления.

Литература:

1. Российское общество: проблемы социального согласия и развития / под ред. В. Е. Семенова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. университета, 2014.
2. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: «Политиздат». 1992. - 464 с.
3. Э.В. Ильенков. О «сущности человека» и «гуманизме» в понимании Адама Шаффа (О книге А. Шаффа «Марксизм и человеческий индивид»). URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/phc/schaff.html> (дата обращения 16.05 2021).
5. Розенталь М.М. Учение Гегеля о диалектических противоречиях и марксизм // Вопросы философии. 1974. № 8. С.49 – 50

УДК 81.37

ГРНТИ 16.21.00

DOI 10.24412/2409-3203-2021-26-147-150

ЛОЖЬ И ИСТИНА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Пучкова Елена Викторовна

старший преподаватель кафедры русской филологии
ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет
Россия, г. Хабаровск

Аннотация: Статья посвящена проблеме соотношения понятий «ложь/обман» и «истина/правда» в русской языковой картине мира и системе этнокультурных ценностей русского народа. Автор анализирует, как вербализируются концепты «ложь», «обман», «правда», «истина» в русском языке и какие ценностные характеристики в них закреплены.

Обобщая языковой материал, автор приходит к выводу, что и правда, и ложь (обман), несмотря на свою противопоставленность, с этических позиций оцениваются неоднозначно: правда может быть нежелательной, а ложь может поощряться обществом, что отражается как в свободных словосочетаниях, так и во фразеологических единицах. От них отличается понятие истины, которая имеет положительную коннотацию в русском языке.

Ключевые слова: Ложь, обман, истина, правда, этнокультурные ценности, концепт.

LIE AND TRUTH IN THE RUSSIAN LANGUAGE VIEW OF THE WORLD

Puchkova Yelena Viktorovna

senior teacher of Russian Philology department
Pacific National University
Russia, the city of Khabarovsk

Abstract: The article is devoted to the problem of correlation between the concepts of "lie / deception" and "truth / true" in the Russian linguistic view of the world and the system of ethnocultural values of the Russian people. The author analyzes how the concepts "lie", "deception", "truth", "true" are verbalized in the Russian language and what value characteristics are enshrined in them.

Summarizing the linguistic material, the author comes to the conclusion that both the truth and the lie (deception), despite their opposition, are evaluated ambiguously from the ethical standpoint: the truth can be undesirable, and the lie can be encouraged by society, which is reflected both in free phrases and in phraseological units. The concept of true differs from them, which has a positive connotation in the Russian language.

Keywords: Lie, deception, truth, true, ethnocultural values, concept

Особое место в культуре любого народа занимает система ценностей – наиболее фундаментальных характеристик культуры, высших ориентиров поведения, представляющих собой личностно окрашенное отношение к миру. Ценности формируются под воздействием желаний, эмоций, потребностей, верований человека, господствующей в обществе идеологии и многих других факторов, поэтому они могут быть отражением национальной культуры и национального видения мира.

Ценности находят выражение в языке в виде культурных концептов. Рассмотрим несколько культурных концептов, отражающих ценности русского народа: ложь/обман и истина/правда.

Ложь и обман имеют высокую социальную значимость, играют особую роль в межкультурном общении. Эмпирически очевидно, что нет такой сферы человеческой деятельности, где бы ни встречался обман. Будучи сложным переплетением интенциональных, когнитивных и нравственных аспектов, обман сопровождает человеческую коммуникацию и реализуется в ней при помощи вербальных и/или невербальных средств. Однако в научных работах последних десятилетий акцентируются в большей степени концепты «правда» и «истина» (Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, А. Д. Шмелев и др.) как высшие моральные ценности.

В русском языке понятия «правда» и «истина» при всей их схожести принято различать: *Истина на всех одна, а правда у каждого своя*. Они часто позиционируются как синонимы, что поддерживается их словарными дефинициями: истина – «1. В философии: адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно. 2. То же, что и правда (в 1 знач.)», правда – «1. То, что соответствует действительности, истина (во 2 знач.). 2. Порядок, основанный на справедливости, честности» [1]. Однако лексическая сочетаемость у этих слов разная: *скажи мне правду, правда глаза колет, стоять за правду, резать правду-матку, горькая правда, всеми правдами и неправдами; направить на путь истины, познать истину, избитая истина* – во всех этих сочетаниях понятия «правда» и «истина» не могут быть взаимозаменяемыми.

Об этом пишет А. Д. Шмелев: «Слова *правда* и *истина* обозначают две стороны одного и того же общефилософского концепта: *правда* указывает на практический аспект этого понятия, а *истина* – на теоретический аспект» [4]. «*Правда* близко связана с человеческой жизнью, а *истина* является отвлеченной и холодной.<...> *Истина* выше, но *правда* ближе человеку» [3].

Более интересным для анализа нам представляется концепт «обман», поскольку обман (в отличие от правды) в этической системе оценивается двояко.

В русской культуре обман, как уже упоминалось, нередко является спутником человеческой коммуникации: чтобы достичь какой-либо цели или получить какую-либо

прибыль, человеку часто приходится лицемерить или обманывать.

Регулярная реализация лжи и обмана в процессе повседневного общения порождает лживость – свойство социального субъекта, обесценивающее и отрицающее положительную ценностную характеристику личности – правдивость.

Слово «ложь» обычно используется как синоним обмана, поэтому необходимо установить, совпадает ли содержание этих понятий или они имеют такие же различия, как «правда» и «истина» (например, в пословице «Истина для всех одна, а правда у каждого своя»).

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой даны следующие дефиниции: «Ложь – неправда, намеренное искажение истины, обман»; «Обман – 1. Слова, поступки, действия и т. п., намеренно вводящие других в заблуждение // Несоответствие истине 2. Ошибочное, мнимое представление, заблуждение» [1].

На основании этих определений можно сделать вывод о том, что содержание понятия «обман» совпадает с понятием «ложь» только в первом значении: «намеренное искажение истины» – в этом смысле ложь и обман тождественны и могут использоваться в качестве синонимов. В целом же «обман» шире по содержанию, чем «ложь», так как предполагает еще и ненамеренное искажение действительности («ошибочное представление», «заблуждение»), т. е. не исключает фактора случайности, в отличие от лжи, которая может быть только осознанной и преднамеренной.

Толкование глагольных лексем также позволяет дополнить наше представление о лжи и обмане: «Лгать – 1. Говорить ложь, обманывать. 2. Клеветать»; «Обмануть – 1. Намеренно ввести кого-либо в заблуждение, сказав неправду или прибегнув к какой-либо уловке, хитрости, притворству и т. п. 2. Поступать недобросовестно, нечестно по отношению к кому-либо, прибегнуть к жульничеству, обману с целью выгоды, наживы» [1]. Таким образом, ложь – это речевой акт (вербализованный), обман же можно совершить не только при помощи слов, но и при помощи каких-либо действий, поступков.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что для русского национального сознания существенной оказывается интенциональность (намеренность, умышленность) обмана. Так, например, в русской фразеологии наиболее многочисленной является тематическая группа «активная (преднамеренная) ложь»: *пудрить мозги, обуть из сапог в лапти, ездить по ушам, пускать пыль/туман в глаза, водить за нос, втирать очки, морочить (дурить) голову, обвести вокруг пальца, заговаривать зубы, мутить воду, поймать на удочку, высосать из пальца, замазывать глаза, кормить завтраками/обещаниями/баснями, наводить тень на плетень, вывернуть наизнанку, возводить напраслину* и др. [2].

Ложь может быть и пассивной: недомолвки, недоговорки, умолчание предполагают, что человек не лжет прямо и открыто (т. е. не говорит заведомую неправду, как будто и не обманывает), но при этом не говорит и всей правды, что может искажать объективное видение ситуации (т. е. вводит реципиента в заблуждение) и побуждать к неверным выводам, поступкам: *держат язык за зубами, держат язык на привязи, заговор молчания* и др.

Необходимо также отметить, что в русской культуре существует понятие лжи во благо (*ложь во спасение, святая ложь*), т. е. лжи, оправданной необходимостью, что свидетельствует о неоднозначности отношения к обману с этических позиций.

Обман и ложь (как активная, состоящая из заведомо ложного сообщения, так и пассивная – факт умолчания) с позиций жесткой этики квалифицируются как ненормативные и оцениваются отрицательно. Но мотивируемая альтруистическими соображениями, ложь во спасение не противоречит общечеловеческим ценностям и интерпретируется как совпадение интересов агента (то есть обманщика) и реципиента обманного действия (то есть обманутого). В результате допускается моральная легализация лжи и обмана, которые оцениваются положительно с точки зрения мягкой этики.

Более того, в плане социального и межличностного взаимодействия поощряются (и

даже считаются признаком воспитанности) такие модусы обмана, как тактичность, умение скрывать эмоции, чувства и настроения.

Правда и ложь сосуществуют в сознании людей как две модели поведения, с одной стороны, непримиримо противоположные, с другой – дополняющие друг друга. Например, в русском фольклоре можно обнаружить сказки, пословицы, легенды как осуждающие ложь (ложь не принесет счастья, материальных благ; обманувший теряет доверие людей; одна ложь порождает другую; любая правда предпочтительнее лжи), так и оправдывающие ее (ложь всегда была и всегда будет; ложь допустима в отношении других обманщиков; в некоторых случаях не следует говорить всю правду).

Таким образом, коннотированность лжи, обмана, как и правды, может быть различной в зависимости от ситуации общения и той роли, которую играет в ней оценивающий (например, агент или реципиент обмана). Истина же имеет положительную коннотацию.

Список литературы:

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1996. – 928 с.
2. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв.: Около 7000 словарных статей / под ред. А. И. Федорова. – М. : Топикал, 1995. – 608 с.
3. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
4. Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» / А. Д. Шмелев // Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. статей / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 25–36.

УДК 81'373.7

ГРНТИ 16.31.00

DOI 10.24412/2409-3203-2021-26-150-153

НАИМЕНОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ПРИНЯТИЯ ПИЩИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Пучкова Елена Викторовна

старший преподаватель кафедры русской филологии

Люй Яньцзяо

студентка 2 курса направления подготовки «Лингвистика», профиль «Теория и практика межкультурной коммуникации»

ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет
Россия, г. Хабаровск

Аннотация: Статья посвящена проблеме перевода слов, обозначающих процессы приема пищи, с русского языка на китайский язык. Еда во всем многообразии денотативной сферы является одним из важнейших факторов жизнедеятельности человека, что отражается в межкультурном общении. Данная статья представляет собой часть многоаспектного исследования национально-культурного своеобразия «гастрономической» лексики. Цель статьи – определить языковые единицы, являющиеся вербальными компонентами понятия «приятие пищи», и проанализировать особенности их функционирования в двух языках, выявив национально-культурную специфику.

Обобщая языковой материал, авторы приходят к выводу, что слова, называющие процессы приятия пищи, имеют этнокультурные особенности в русском и китайском